

фонтан” (ср. Мразек 1964, с. 67, 68).⁹ От алгебраической символики при экспозиции схем (моделей, структур, типов) мы после многих раздумий решили отказаться, ибо: (а) символика обычно не облегчает, а затрудняет удобочитаемость изложений; (б) влечет за собой нежелательную гипертрофию морфологизма, а ведь сущность конструкций задается всегда не только внешними морфологическими показателями, но одновременно и лексическим составом синтаксиса, их категориально-синтаксическими свойствами, да еще общей семантической значимостью коммуниката.

¹⁰ Вместо символики выгоднее прибегать к приведению подходящего типового или микротипового примера, большей частью на русском языке, а если это невозможно, то на другом славянском языке, содержащем в своей системе данный тип или микротип. При общей концепции всего исследуемого объекта служат в высшей инстанции классификационными критериями параметры семантические, т. е. те или другие общие семантические классы предикатов. Описывая же арсенал отдельных моделей и типов, необходимо комплексно учитывать и их семантику, и внешнюю форму, да еще дополнительные системно-функциональные свойства описываемых образований.

IV. ОБЩИЙ СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ СЛАВЯНСКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

23 Славянское предложение, несмотря на множество детальных и на некоторое количество более весомых внутриславянских расхождений от языка к языку, все же обладает рядом общих признаков. Признаки эти в своей совокупности создают своего рода общий профиль славянского предложения, и его можно типологически сопоставлять с аналогичным профилем других, мировых индоевропейских языков, т. е. германских и романских. Подобное типологическое сопоставление на уровне наивысшей абстракции имеет положительное значение и для лучшего познания сущности славянского синтаксиса, для более выпуклого осмысления многих системно взаимообусловленных явлений. А на более

---

⁹ Семантическая экспликация бывает нередко более точной, нежели трансформационно-порождающие истолкования вроде: *Я советую тебе извиниться перед ним* — (1) *Я советую тебе...* (матричное предложение) (2) *Ты извинись перед ним* (конституэнтное предложение). Ясно, что здесь нарочито превращается факт пока нереальной модальности в реальную модальность.

¹⁰ Упрощающим морфологизмом характеризовались в той или иной мере почти все синтаксические труды периода расцвета трансформационного синтаксиса. Отразилось это — неблагоприятно — и на *Грамматике современного русского литературного языка* 1970, в описании типов предложения. К этому ср., напр., еще трактовку М. Грелля (Грелль 1967) или точку зрения Г. А. Золотовой (в ее книге 1982 г., особенно с. 84, 85, 89).

низком уровне абстракции можно, в свою очередь, попытаться очертить внутриславянскую контрастивную характеристику по трем основным ветвям славянского ареала и, наконец, на низшем уровне можно установить специфические характерные черты каждого отдельно взятого славянского языка. Такого рода наблюдения даются здесь, и также в последующей главе, с комплексным учетом не только ядерных, но также и других структурных схем предложения.

24 Славянское предложение характеризуется, в общем, большей асимметричностью своей предикативной основы (ср. наши статьи по этой проблематике: Mrázek 1968, 1970, 1973). Последняя задается лексико-грамматической природой главных членов, прежде всего предиката, хотя неверно утверждение о том, будто именно один только предикат выступает автономным „властелином“ всей организации предложения — первый актант слева, субъект (если таковой наличествует), находится в симультанной тесной интеракции с предикатом. Предикативная основа часто требует эксплицитного наличия облигаторных конституэнтов, и может распространяться также потенциальными и факультативными партипантами. В чем же состоит упомянутая асимметричность предикативной основы? Она состоит в том, что далеко не всегда реализуется прямолинейная, эксплицитная симметричная взаимосвязь номинативного субъекта с конструирующим предикатом. Сюда входит, во-первых, тот факт, что коммуникативный субъект высказывания (часто тождественный денотативному субъекту в реальном мире) получает подчас свое выражение не в форме номинатива (им. над.), а в форме косвенного падежа.¹¹ Допустимо было бы говорить прямо об определенном наличии неноминативного предложенческого типа. Западноевропейской тип коммуникатов (обычно именуемый „standard. average European sentence type“) знает аналогичное положение вещей в гораздо меньшей степени, напр., в случаях типа нем. *Mich friert*, франц. *Il n'y avait pas de pain* (с семантически мотивированным „article partitif“). Наиболее последовательно здесь ведет себя англ. яз., ср. его совсем обычные конструкции вроде *I am very cold* „мне очень холодно“. Прямой противоположностью такого состояния оказывается положение в р. яз., где обильнее всего (в отношении вост.-слав. языков и поль. языка) представлен замечательный тип с твор. над. реализатора стихийных действий (ср. р. *Его ранило осколком гранаты*) и где богато развились архаичные славянские дативно-инфинитивные конструкции (ср. р. *Тебе не решить этой проблемы*, б.-р. *Чаму-б нам не навесяліцца?*). Генитивные построения, с род. над. вместо им. над., получили распространение и продолжают жить почти на всей славянской территории, выявляя возрастающую частотность с запада к северо-востоку; мы имеем в виду не только предикативные единицы с полным отрицанием (напр. в.-л. *Z kreje žanoho*

¹¹ О понятиях коммуникативный, денотативный, грамматический субъект см. ниже, § 41.

zboža wuroś njemóže, у. Немае соли, р. Володу там не было), но и без него (напр. п. *Dwuch chłopców przyszło, с.-х. Тамо има наших школа*).

25 Во-вторых, в диапазон характеристики в термине асимметричность предикативной основы входит тот факт, что предикат славянского предложения подчас выказывает грамматическую несогласованность с категориями подлежащего. В пределах глагольного, синтетического, предиката или глагольного элемента в аналитическом предикате речь идет о явлениях типа р. *Приди я раньше, ...*, ч. *Byť on silnějšť, (bylo by to s tebou zlé)*. Ярче всего, однако, несогласованность сказуемого отражается на форме номинального компонента в глагольно-именной предикации. Речь идет об употреблении твор. надежа, свойственном почти всем славянским языкам и представленном также в балтийских языках.¹² Этот падеж отклоняется от симметрии с им. падежом субъекта, как будто покидая горизонтальную плоскость, заданную своим грамматическим доминатором. Западно-европейский стандарт знает здесь нормально согласуемый предикативный падеж, ср. франц. *Il fut élu président*; англ. *He was elected President*. Лишь изредка выступает известная функциональная аналогия славянского твор. падежа, ср. нем. *Er ist zum berühmten Dirigenten geworden*.

26 С асимметричностью смыкается еще один общий различительный признак: Обращает на себя внимание преобладающая разница в постановке местоименных десигнаторов в позиции подлежащего, между славянскими языками и, с другой стороны, романскими и германскими языками. Последние тяготеют к эксплицитному выражению прономинального подлежащего; ср. нем. *Du sagst es richtig*; франц. *Je ne le sais pas*; англ. *I will give you some money*. Это, естественно, обусловлено упрощением морфологического плана, который характеризуется общим аналитизмом: необходима двухкомпонентная, разчлененная сигнализация значений лица у глаголов или падежа у имен в целях их дискретности. Без стоящих особняком показателей этих грамматических значений получался бы нежелательный поверхностный синкретизм омоформ. Если же окончание формы само по себе указывает лицо, то не исключено отсутствие местоименного экспонента. Однако по аналогии с синкретными словоформами, местоименный показатель привился даже там, где он был бы избыточным, напр., франц. *Nous sommes déjà ici*; нем. *Ihr bleibt hier*. Подобная ситуация наблюдается только в вост.-слав. языках. Она стоит там в системной связи с былой утратой спрягаемых форм глагола быти, ср. р. *Я + Ø + рабочий, Ты + Ø работал*, и такие образования вызвали индукцию даже в парадигме настоящего/будущего времени глаголов: *я работаю, ты работаешь, мы будем работать*. Во всяком случае аналитическая глагольная парадигма и внешне неглагольный тип свидетельствуют в вост.-слав. языках об известной доле типологического аналитизма и агглютинации. Другие же славянские языки нормально обходятся без подлежащего личного местоимения, на-

¹² К постановке твор. надежа предикативного см. Мразек 1964, с. 207 сл.

пр. ч. *Říkáš tu věc správně*; п. *Ogłosić się nieprzyjacielem wojny*. Вербализация позиции подлежащего связана, в основном, с условиями эмфазы или актуального членения высказывания и его ритма.

27 Славянские языки обязательно оставляют левовалентную позицию предиката пустой в асимметричных сообщениях о подлинно безличных, безэffiциентных действиях и состояниях;¹³ напр. слц. *Ochladilo sa*; в.-л. *Před wočomaj so mi začmi*; слн. *Danilo se je*; р. *У меня в горле пересохло*; б.-р. *Было ўжо за поўнач*. Важно подчеркнуть, что здесь перед нами, собственно, глагольная форма не-лица, выходящая за рамки парадигмы я + х, ты + х, он, она, оно + х, поэтому даже в вост.-слав. языках будет, напр., не р. *Оно темнеет, **Оно во рту пересохло*, а нуль показателя безличности: *Темнеет*, *Во рту пересохло*. Напротив, западноевропейские языки ставят и здесь большей частью 3-е л. ед. сред. р. в роли число формального субъекта: нем. *Es dunkelt schon*, англ. *It was raining* franc. *Il fait froid* (конечно, имеются очень редкие структуры типа нем. *Mich schwindelt*).

Указанная беспрономинальная, однокомплексная стилизация влечет за собой в порядке системных взаимосвязей и тот факт, что зачастую в слав. языках остается невербализованным даже и неопределенный или не вполне четко стилизуемый субъект неодушевленный. Мы имеем в виду такие конструкции, как: *Ну что, вам помогло?*; у. *але цього разу минулося*; п. *No, zaczęła się teraz*; слн. (*Tekel bi za njo. Pa je vedel*), *da je brezmi-selno*; б. *Ще я заболи страшно*. Только на северно-западной окраине славянского языкового ареала представлена постановка указательного местоимения, ср. ч. *Tentokrát to dopadlo dobře*; *Už je to lepší*.

В более широком типологическом контексте представляют большой интерес славянские высказывания, в которых оказывается имплицитным даже совсем конкретный, четкий предметный субъект, мыслимый как субстанция среднего рода, дейктического или анафорического характера. Перед нами один из балканизмов, уходящий своими корнями в глубокую древность (ср. латин. *Nolite timere, ego sum* „не бойтесь, это я“). Примеры: б. *Батов* (ном. *progrium*) *мислеше, че е провокация* „что это провокация“; с.-х. *Bila je zdrava madarija*; румын. *E una din arterele comerciale ale capitalei*; итал. *È la squadra nazionale italiana*.

28 Из всего вышесказанного по поводу асимметричности, как и поверхностной одно-/двухкомплексности строя славянского предложения вытекает следующий обобщенный, хотя и несколько упрощающий вывод: В западноевропейском литературном стандарте имеет место преобладающая нивелировка в плане формальной двухкомплексности, в то время как в славянских языках нередко происходит нивелировка в плане формальной однокомплексности. Таким образом, подводя итоги, можно сказать следующее: Для славянского предложения характер-

¹³ Только в луж. языках, под влиянием немецкого, параллельно появляется местоимение *wono, to*. Ср. Schuster-Šewc 1974.

но то, что доля формальной асимметричности предикативной основы в нем гораздо больше, нежели в иных крупных индоевропейских языках. Существенная составная часть этой асимметричности — это монокомплексность внешнего оформления общего профиля предложения. Отсюда следует также и вывод о том, что применительно к славянскому материалу неверно последовательное применение схемы предложения в неизменном эксплицитном виде: S (sentence) → NP + VP, т. е. презентация схемы предложения в дихотомии именной и глагольной фразы.

29 Славянские языки глобально отличаются от западноевропейских языков еще дополнительными общими признаками. С преобладающей синтетичностью, флективностью славянских языков системно взаимосвязан превалирующий свободный (точнее: грамматически не связанный) словопорядок, в противоположность превалирующему грамматически связанному словопорядку языков аналитических. Слово-синтаксема в славянском предложении обладает значительной словопорядковой автономностью, что отражается, между прочим, в частом вынесении глагола на первое место (ср. типичное р. *Жили мы тогда в Таганроге; Пошел раз мужик к огороднику огурцы воровать*). Иным характерным признаком славянского предложения оказывается совсем обычная возможность постановки более чем одного отрицания, напр., ч. *Nikdy jsem o tom s nikým nemluvil*, в противоположность преобладающей монодесигнации отрицания в европейском стандарте, ср. англ. *It is no problem*; нем. *Ich habe kein Geld mehr*. (В древних славянских языках, однако, достаточно было одного отрицания, ср. др.-рус. *николи же всяду на нь*.)

V. ВНУТРИСЛАВЯНСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

30 Общая характеристика славянского синтаксического строя, его конфронтация с другими синтаксическими системами, а также и исследование внутриславянских совпадений и расхождений во многом опирается на принципы типологической лингвистики. Теоретические предпосылки такого исследования, на отвлеченном уровне или уже применительно к славянской стратификации, были предметом внимания ряда ученых. К ним относятся особенно: В. Скаличка, разработывавший методологию типологического сопоставления языков и их характеристики (Skalička 1958, 1968), Б. А. Успенский (1965), И. И. Ревзин (1967), далее авторы работ, специально рассматривавших языковое родство, общность славянских языков с типологических позиций, напр. И. Леков (1952), Р. Ковалив (Kovaliv 1954), Д. Брозович (Brozović 1964) и, наконец, исследователи, уде-